

КАБИНЕТНЫЙ МЕЧТАТЕЛЬ И ТЕОРЕТИК МАРКСИЗМА

«Эрфуртская программа, марксистские пропилеи, рано, слишком рано приучили вы дух к стройности, но мне и многим другим дали ощущение жизни в предысторические годы, когда жизнь жаждет единства и стройности, когда выпрямляется позвоночник века, когда сердцу нужнее всего красная кровь аорты!

Разве Каутский — Тютчев? Разве дано ему вызывать космические ощущения? А представьте, что для известного возраста и мгновения Каутский тот же Тютчев, то есть источник космической радости, податель сильного и стройного мироощущения, мыслящий тростник и покров, накинутый над бездной».

Мандельштам О. «Эрфуртская программа»

Шаги и даты

Карл Каутский родился в богемной семье. Его отец был чешским театральным художником, а мать — актрисой, впоследствии ставшей писательницей.

С 1874 по 1879 год он учится в Венском университете. Сфера интересов амбициозного студента — история, экономика, юриспруденция. Тогда же он примыкает к социалистам.

В студенческие годы Каутский — дарвинист и лассальянец. Фердинанда Лассалья изображали тогда на плакатах как бесстрашного рыцаря справедливости с красным знаменем, попирающего ногами свергнутого золотого тельца. Но Лассаль был вовсе не самым радикальным революционером тех лет и вполне

допускал, что в бесклассовое будущее можно двигаться путем реформ и постепенных уступок. Маркс критиковал Лассаля за эту уступчивость («Критика Готской программы»), видя в ней философскую и политическую близорукость.

Впоследствии Каутский будет бороться с этим призраком реформизма в себе и, по мнению многих, в итоге сдастся на его милость.

В 1880 году он перебирается в Цюрих, где знакомится с Эдуардом Бернштейном. Их свяжут долгие годы дружбы и полемики.

В 1881-м в Лондоне Каутский близко знакомится с Марксом и Энгельсом. Энгельс очарован молодым социалистом и приближает его к себе, тогда как Маркс оценил возможности Каутского гораздо скромнее и считал, что ему пока недостает оригинальности мышления и он не изжил в себе обывательский способ думать.

С 1883 года Каутский становится редактором журнала «Die Neue Zeit», который под его руководством делается главным марксистским изданием Европы и будет удерживать этот статус более тридцати лет.

В конце 1880-х под дружеским руководством Энгельса Каутский вместе со своими ближайшими товарищами (Бернштейн, Лафарг, Гуго) пишет ряд исторических работ о предтечах социализма — Томасе Море, коммунистических сектах, ересь и миллениаристских движениях всех эпох.

В 1887 году он заканчивает «Экономическое учение Карла Маркса» — популярный пересказ «Капитала», желая сделать эту книгу более доступной.

В 1889-м Энгельс учит Каутского разбирать почерк Маркса, чтобы он продолжил работу с архивом после смерти самого Энгельса.

В 1890-м Каутский расстается со своей первой женой Луизой, но сохраняет с ней дружеские отношения, тем более что в 1891 году она становится секретарем Энгельса.

В том же году Каутский пишет вместе с Бернштейном «Эрфуртскую программу» для партии немецких социалистов

(СДПГ) без прежнего лассальянства и с учетом «Критики Готтской программы» Маркса, которая как раз опубликована по этому случаю.

«Эрфуртская программа» надолго становится образцом для социал-демократов всего мира. Каутский отвечает там за теорию и стратегию, а Бернштейн за ближайшую практику и тактику. И уже заметно, что Бернштейн гораздо больший реформист, чем его соавтор.

1891 — переломный год. В Германии сняли запрет для социалистов заниматься парламентской политикой. Запрет этот был введен Бисмарком в 1878 году (после покушений на императора Вильгельма) и вот наконец отменен парламентом. Это означает, что марксисты могут теперь проверить себя в легальной политической игре. Вскоре СДПГ станет вполне влиятельной парламентской партией.

В 1895 году Энгельс завещает Каутскому продолжать работу над рукописями Маркса, а также над собственным архивом. К этому моменту Каутский — один из главных идеологов Второго интернационала, призванного подготовить весь мир к международной революции трудящихся.

В 1899-м он пишет «Аграрный вопрос» — обзор тенденций современного автору сельского хозяйства. Ленин хвалит эту книгу и говорит, что она написана на уровне «Капитала». А вот Сергей Булгаков в журнале «Начало» весьма критически разбирает ее.

В том же 1899 году Каутский выступает с критикой своего товарища Бернштейна, подвергнувшего марксизм ревизии и усомнившегося в некоторых его базовых положениях (обнищание масс, концентрация производств). Теперь в партии отчетливо видны два полюса — ортодоксальный и ревизионистский.

Ленин вместе с Крупской переводят на русский его брошюру, направленную против Бернштейна. В ней Каутский делает акцент скорее на социальной, чем на политической революции.

В 1902-м его статья «Славяне и революция» публикуется в «Искре». Там Каутский допускает, что следующая социалистическая революция может начаться именно в России.

В 1905-м он публикует в своей редакции так называемый четвертый том «Капитала» Маркса, более известный как «Теории прибавочной стоимости».

Тогда же Каутский приветствует революцию в России и отмечает, что это первая революция такого масштаба со столь выраженным пролетарским участием.

В 1907 году Ленин переводит его статью «Движущие силы и перспективы русской революции».

Роза Люксембург предлагает использовать опыт первой русской революции в немецких условиях и готовить германских рабочих к всеобщей стачке. Каутскому такой план представляется не вполне реалистичным в данных обстоятельствах. Он также считает предложенный Люксембург лозунг упразднения монархии и установления республики опасным для партии и преждевременным.

В том же 1907-м он пишет «Патриотизм и социал-демократию» к конгрессу Второго интернационала в Штутгарте. В идеале в статье предлагается заменить регулярную армию народной милицией.

В 1909 году Каутский публикует брошюру «Путь к власти. (Политические очерки о вращении в революцию)», где сказано, что неизбежная мировая война откроет ворота революции для европейского пролетариата.

В 1910-х годах, накануне войны, Каутский окончательно расходится с лево-радикалами (Люксембург, Либкнехт) внутри собственной партии.

Теперь у него репутация осторожного и умеренного мэтра. Он видит свою задачу в том, чтобы, находясь в центре, удерживать в едином партийном поле всех социал-демократов от революционных романтиков до самых осторожных сторонников компромисса и коалиции. Впрочем, в нем самом видят скорее теоретика, чем вождя.

В 1912-м леворадикальное крыло формулирует дилемму момента: «империализм или социализм?». Каутский же предлагает другой выбор: «разоружение или война?». По его мнению, общей политикой всех левых в Европе должны стать требования демилитаризации и свертывание гонки вооружений. Только так можно избежать мировой войны.

Он призывает к созданию общего антивоенного фронта самых разных политических сил, в котором организованный пролетариат сыграет ведущую роль. Многими такие призывы воспринимаются как прекраснодушный морализм левого пацифиста, которому не найдется места в близком столкновении крупнейших держав.

В 1914 году Каутский допускает голосование СДПГ за военные кредиты при условии, что правительство гарантирует исключительно оборонительный характер участия Германии в войне и скорейшее стремление к безусловному миру. Это мнение шокирует многих радикалов, для которых поддержка военных кредитов не приемлема ни на каких условиях.

В 1917-м он выходит из партии (вместе с Бернштейном) и оставляет пост редактора «Die Neue Zeit». Каутский попытается создать собственную партию (НСДПГ), более последовательную и соответствующую условиям уже назревшей немецкой революции. Но через два года он вернется в СДПГ, потому что ничего лучше создать не удалось, а революция завершилась. Часть тех, кто покинул СДПГ вместе с ним, вскоре примкнут к немецким коммунистам (КПГ).

Непосредственно во время немецкой революции Каутский работает в новом правительстве, расследуя военные преступления прежнего режима.

После 1918 года он много критикует эксперимент большевиков в России, окончательно порывая с ними и однозначно встав на сторону меньшевиков. Ленин и Троцкий отвечают на его критику и обвиняют его в предательстве интересов трудящихся.

В 1925-м Каутский — соавтор новой программы СДПГ, заметно более умеренной и эволюционистской в сравнении

с предыдущей. Сказалось окончательное размежевание с коммунистами и возникновение КПГ.

В 1927–1929 годах он работает над двухтомником «Материалистического понимания истории», который должен стать его теоретическим завещанием.

После прихода к власти нацистов книги Каутского сжигают на площадях вместе с сочинениями других социалистов и гуманистов.

Каутский скрывается от новой немецкой власти сначала в Вене, потом в Праге и наконец в Амстердаме, где и закончит его жизнь в 1938 году.

Его последняя работа называется «Социализм и война» (1937) и в ней он продолжает развивать идеи социалистического пацифизма.

Вторая жена Каутского Луиза, ближайшая сподвижница Розы Люксембург, умерла в Освенциме. Их сын Бенедикт провел семь лет в нацистских лагерях, но выжил. После войны он опубликовал письма Розы Люксембург, собранные его матерью, и работал над партийной программой новой немецкой социал-демократии (возрожденной СДПГ).

Идеи и тексты

Каутский не был страстным оратором и трибуном, предпочитая работать в кабинете. И сделал он — автор десятков книг и брошюр, редактор журнала, лектор — удивительно много, проявляя завидную работоспособность. Попробуем описать хотя бы некоторые из его самых известных текстов и выступлений.

1

В 1880-х годах Каутский вместе со своими ближайшими единомышленниками работает над обширной «Историей социализма» и рисует монументальное полотно, историче-

скую батальную фреску, где сменяют друг друга крестьянские войны, революционные секты и харизматичные лидеры-уравнители — «герои духа и меча, боровшиеся за уничтожение всякой эксплуатации». По большому счету это история мира и человеческой мысли как история попыток построить и представить социализм в домарксистский его период начиная со времен Платона и заканчивая американскими коммунистическими общинами середины XIX века.

Каутский находит у социалистической традиции два корня: отвлеченно-утопический коммунизм аристократии, мысленно вышедшей далеко за пределы интересов своего класса, и народный «коммунизм равенства» у анабаптистов, таборитов, других дерзких еретиков и милленаристов.

Впоследствии это станет его любимым риторическим приемом — обозначить внутри обсуждаемого явления два противоположных начала и от них стремиться к центру как компромиссу и решению противоречия.

2

Чтобы понять «Капитал», Каутский сначала штудирует «Анти-Дюринг» своего старшего друга и учителя Энгельса, присоединяется к его позитивизму и вслед за ним делает акцент на рассмотрении социальных явлений как продолжения органической природы.

Он уверен, что человеческий организм достигнет своего предельного развития в бесклассовом обществе.

Даже в Эрфуртской программе, конкретно политическом тексте, Каутский делает акцент на том, что социалистическое будущее наступит «с естественной необходимостью».

В своем комментарии к этой программе Каутский рассматривает генезис капитализма и агонию мелкого производства, технологический рост как средство расширения рынка, неизбежность безработицы и обострения классовой борьбы, негативный отбор как результат рыночной конкуренции, фи-

нальную и предельную концентрацию капитала в одних руках и революционный вопрос о превращении капиталистической экономики в социалистическую.

Наемный труд стал основной формой занятости, и задача теперь — превратить каждого рабочего в предпринимателя, но не в капиталиста. Свободная работа будет облагораживать, а не отуплять и обесмысливать жизнь.

Тот, кто живет в трущобах и строит дворцы, должен осознать свою борьбу как борьбу всего класса в целом.

Невозможно заранее нарисовать точный план социализма. Но стоит знать, что программы всех остальных партий — это рецепты, как избежать социализма.

В качестве первоначальных мер Каутский предлагает всеобщее избирательное право, бесплатные светские школы и прогрессивную налоговую шкалу.

Энгельс отмечает, что ближайшие требования могли бы быть и более решительными, но в целом одобряет программу.

Немецкие социалисты эпохи Второго интернационала признавали марксистскую стратегическую программу (Каутский), максимально сосредотачиваясь при этом на все более умеренной политической тактике (Бернштейн). Это был относительно мирный период истории капитализма.

3

В 1895 году в своей статье «Интеллигенция и социал-демократия» Каутский утверждает, что интеллигенция при капитализме будет расти и хотя она неизбежно склонна культивировать свою отдельность и умственное превосходство, многие новые ее слои имеют шанс примкнуть к организованному пролетариату в классовой борьбе. Каутский предлагает прежде всего обращать внимание на студентов.

Интересно, что Троцкий через несколько лет высказался на ту же тему гораздо более скептически («Интеллигенция и социализм»), предположив, что основная часть интеллиген-

ции в классовом обществе всегда будет стремиться в объятия правящего класса и потому массового притока интеллигентов в революционную партию ждать не следует.

4

С 1899 года Каутский спорит с Бернштейном: предсказанное Марксом обнищание работников все же есть, но оно относительное (пропорциональное), а не абсолютное.

Бернштейн начнет культивировать парламентскую демократию как идеальное средство реализации интересов трудящихся. Каутский будет его критиковать, но лет через пятнадцать сам встанет на схожие позиции. Ощутимо, что на рубеже веков он спорит не столько с Бернштейном, сколько с самим собой, пытаясь сохранить верность прежней марксистской ортодоксии и подавляя реформистские соблазны.

5

В «Этике и материалистическом понимании истории» (1906) Каутский задается вопросом: откуда берется нравственный закон внутри нас?

Он пишет собственную генеалогию морали, начиная с греко-персидских войн.

Натурфилософия изначально имела дело с жестко детерминированными явлениями природы, тогда как выделившаяся из нее философия впервые занялась человеком, как существом, обладающим высоким уровнем свободы выбора.

У Эпикура этика выводится из нашего стремления к удовольствию и благу, нужно только правильно расставить приоритеты этих удовольствий от низших к высшим. Конкурирующая точка зрения (Платон, а позже Плотин) — нравственность имеет внеприродный сверхъестественный источник

и не может быть выведена из естественных потребностей человека.

По Каутскому, в элитарном сознании сверхприродный дух господствует над материей, как аристократ господствует над рабочей массой и так закладывается основа для будущего монотеизма с его неизбежной демонизацией и низших социальных классов и материального мира как такового. Отличие монотеизма от многобожия в том, что бог монотеизма это прежде всего этический источник, нравственное начало, а не просто творец природы.

Платон и Эпикур — это противоположные полюса и между ними можно расположить всю историю человеческой этики: стоицизм, христианство, учение Спинозы, французских просветителей, Адама Смита, Канта, Дарвина с его борьбой за существование.

Дарвин объясняет происхождение социальных инстинктов, из которых разовьются высокие человеческие добродетели.

Конечно, для Каутского спор об этике это не просто конкуренция школ и объяснительных моделей. Он делает акцент на том, каким именно классам общества (социальным слоям, группам, коллективным игрокам) соответствует каждая из названных этических систем. То есть рационализацией и оправданием чьего положения является любой моральный кодекс? Нравственный идеал есть особое орудие в отношениях между классами.

Каутский рассуждает о становлении и развитии нравственных идей как исторический материалист. Его любимый жанр — экскурс марксистского просветителя в историю вопроса.

Вся вторая часть книги — попытка сформулировать этику, необходимую новому поднимающемуся классу пролетариев. С производства самих средств производства начинается именно человеческая история и человек выделяется за пределы животного мира. Иначе говоря, человек становится человеком с того момента и в той мере, когда он начинает соз-

давать вокруг себя свой собственный новый антропогенный мир, чем дальше, тем больше отличающийся от первичных условий нашего существования. Появляется разделение труда, техника, язык как система понятий и способ наследования знаний и навыков.

Каутский не забывает о пацифизме, подчеркивая, что из всех живых существ только человек уничтожает в таких количествах себе подобных и что виной тому классовый характер власти в человеческом обществе.

Он видит дальнейшую социальную эволюцию в постоянном расширении границ того сообщества, внутри которого действуют единые нравственные правила. Этот процесс выходит за пределы конкретной общины, нации, государства, расы и обещает достигнуть границ всего человечества. Это должно происходить параллельно с развитием мирового рынка и совершенствованием средств коммуникации.

Каутский напоминает, что всегда, говоря о морали, нужно держать в уме, что любое моральное требование есть производное от исторически конкретных общественных отношений, а сами эти отношения непрерывно меняются, подчиняясь логике развития нашего производства и обмена.

Материалистическая этика начинается с признания безнравственности самого существования буржуазии, т.е. владельцев капитала и частных собственников средств производства.

И только этика, основанная на марксистской теории, гарантирует снятие противоречий и в отношениях между народами, и в отношениях между полами.

Уже тогда феминистская нота в сочинениях Каутского начинает звучать рядом с пацифистской.

В 1890-х годах он берется за колониальный вопрос. Старая колониальная политика (XV–XVIII века) хотя бы отчасти оправдывается общей исторической логикой роста мирового